

Матвей Иванов сын Дьяк Ржевский

В.В. Пенской

Обычно когда речь идет о России XVI в. и о личностях, творивших историю в этом столетии, первой предстает фигура царя Ивана Грозного. Но как бы ни был выглядел в своих деяниях, добрых или злых, Иван Васильевич, и к нему вполне приложимо известное высказывание — «короля делает свита». «Свита» Ивана IV — это не только А.Ф. Адашев, митрополиты Макарий и Филипп, князья И.Ф. Мстиславский и М.И. Воротынский, бояре И.П. Федоров и А.Д. Басманов, дьяк И.М. Висковатый и другие политические, военные и церковные деятели первой величины той эпохи. Были и фигуры второго плана, которые тем не менее отнюдь не были статистами на политической сцене. Их «служба» на фоне «служб» родовитых аристократов и больших дьяков была как будто и невидна, но от того не являлась менее опасной и важной, скорее же наоборот. К таким «второразрядным» и, казалось бы, не примечательным деятелям эпохи может быть отнесен и сын боярский Матвей Иванов сын Дьяк Ржевский.

Матвею Ржевскому довелось сыграть чрезвычайно важную роль в предпринятом Иваном IV наступлении на Крым, едва не увенчанном успехом. Но, пожалуй, не это самое важное. Такие люди, как Матвей Ржевский, составляли средний и младший командный состав русских ратей того времени. Оценивая его роль, необходимо вспомнить слова английского дипломата Дж. Флетчера. Характеризуя принцип назначения высшего командного состава в конце XVI в., он писал, что «большой» воевода «обыкновенно... избирается из четырех главных дворянских домов в государстве, при этом выбор делается не по степени храбрости или опытности в делах воинских; напротив, считается вполне достойным этой должности тот, кто пользуется особым значением по знатности своего рода и вследствие этого расположением войска, хотя ничем более не отличается»¹.

При таком подходе к отбору на главные командные посты в армии естественно возникает вопрос: почему царские рати регулярно одерживали победы над врагами Русского государства. Конечно, ни в коем случае нельзя полагать, что все «дородные» и сановитые московские бояре и князья, возглав-

лявшие государевы полки, в военном деле были дилетантствующими посредственностями. Но все же очевидно, что родовитость вовсе не гарантировала им глубину познаний в военном деле. Вряд ли можно полагать, как это делал применительно к римским временам Я. Ле Боэк, что «военная техника того времени не представляла большой сложности, несколько недель практики командования были достаточными, чтобы усвоить ее основы»², а потому отпрыски благородных московских семейств быстро осваивали навыки полководца. В действительности попытки неопытных, но заносчивых и преисполненных самомнения молодых аристократов взять на себя всю ответственность не раз приводили к печальным последствиям, как это было, к примеру, в 1521 г. под Коломной. Пока молодые бояре на практике постигали азы военного искусства, хранителями традиций, ядром войска были именно такие люди, как Матвей Ржевский и его товарищи. Именно они, вторые и третьи полковые воеводы, сотенные и стрелецкие головы, опытные ветераны и настоящие профессионалы, закаленные во множестве походов и схваток, неоднократно рисковавшие своей головой, находясь в гуще схватки, непосредственно руководили рядовыми бойцами и обеспечивали «большим» воеводам возможность на практике осваивать военные премудрости.

Хотя Матвею Ржевскому довелось принять участие в важных событиях, о нем нет ни одной исторической работы, за исключением предпринятой в начале минувшего столетия попытки реконструировать в общих чертах его биографию³. Кроме того, имя Ржевского в ряду прочих военачальников той эпохи неоднократно встречается в работах, так или иначе касающихся русско-крымских отношений в 1550-х годах, а также в описаниях войн и походов времен Ивана Грозного⁴. Между тем сведений о нем в источниках сохранилось достаточно⁵, чтобы не только проследить жизненный путь воеводы, но и попытаться охарактеризовать личность Матвея Ржевского.

В московской Руси человек был ценен не столько сам по себе, сколько по тому, какая кровь текла в его жилах, каким было его «дородство». Статус рода Ржевских был двусмысленным. С одной стороны, фамилия принадлежала к числу древних и, как будто, была не последней. Свой род Ржевские вели от смоленских князей и принадлежали, таким образом, к размножившейся со времени образования Киевской Руси династии Рюриковичей⁶. Поэтому мнение С.М. Соловьева, считавшего Ржевского «новым» человеком⁷, неверно (на что обратил внимание еще автор биографии Ржевского в «Русском биографическом словаре»). Предки Матвея Ржевского служили московским князьям и их вассалам с XIV века. Иван Ржевский был воеводой Дмитрия Донского, а некий Родион Ржевский упомянут среди воинов Дмитрия Ивановича в «Сказании о Мамаевом побоище»⁸. В 1445 г. Семена Ржевского, начального человека можайского князя Ивана Андреевича, взяли в плен литовцы после несчастливой для русских битвы при Суходрови⁹. Так что семейство Ржевских было отнюдь не «новым», а «нарочитым» и «родословным»¹⁰.

С другой стороны, Ржевские очень рано, уже к концу XIV в., утратили княжеский титул. Более того, они, как отмечал А.А. Зимин, связав свою судьбу с Волоцким уделом и сильно размножившись, «влились в общую массу дворовых детей боярских»¹¹. После долгой службы в уделе, войдя, с ликвидацией его, в число государевых служилых людей, подняться «наверх» бывшим слугам удельных князей было нелегко, и семейство Ржевских не стало исключением из этого правила.

К середине XVI в. многочисленные представители рода Ржевских, исправно служившие московским государям и их родственникам, владели вотчинами и поместьями, судя по записям в «Дворовой тетради» и актовым

Пенской Виталий Викторович — доктор исторических наук, доцент Белгородского государственного университета.

материалам, главным образом в окрестностях Волока, Вязьмы, Дорогобужа, Белой, Рузы и Ярославца¹². Сам Матвей Иванов сын Дьяк Ржевский был записан в «Дворовую тетрадь» как сын боярский можайской служилой корпорации¹³. Этот документ был составлен, как полагают многие исследователи, в самом начале 1550-х годов¹⁴. К этому же времени относится и первое упоминание о начале службы Матвея Ржевского: «Того же лета (7058, то есть 1549/1550 гг. — П.В.) учинил у себя царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси выборных стрелцов и с пищалей 3000 человек, а велел им жити в Воробьевой слободе, а головы у них учинил детей боярских... в другой статье Дьяк Ржевской, а у него пищалников 500 человек, а у всяких у ста человек сын боярской»¹⁵.

Две эти записи позволяют сделать некоторые выводы. Увы, не сохранилось никаких свидетельств о времени и месте рождения Матвея Ржевского. Однако из того факта, что в конце 1540-х — начале 1550-х годов он уже числился на государственной службе и под его начало была отдана одна из первых шести стрелецких «статей», следует, что к тому времени ему было не меньше 20 лет, то есть он родился самое позднее в конце 1520-х — начале 1530-х годов. Но и это еще не все. В летописи отмечено, что стрельцы были «выборными». По В.И. Даю, выборный — «отборный, самый лучший, выбранный; избранный»¹⁶. Многие исследователи, касавшиеся так или иначе проблемы создания по повелению Ивана IV стрелецкого войска, подчеркивали, что на первых порах оно обладало особым, элитарным, «гвардейским» статусом¹⁷. И то, что начальство над одной из новосформированных стрелецких статей было поручено Ржевскому, свидетельствует о доверии, которое молодой царь испытывал к молодому же и, надо полагать, успевшему отличиться в казанских походах (что вероятнее всего) или в «малой войне» с татарами на «крымской украине» сыну боярскому (впрочем, это менее вероятно, ибо в этом случае шансов попасть на глаза царю и выделиться из множества других детей боярских и дворян у Матвея было бы меньше). И еще одно достоинство выделяло Ржевского из общей массы служилых людей. Судя по его прозвищу «Дьяк», он был человеком не просто грамотным (о чем свидетельствуют его автографы — «рукоприкладства» к поручным записям данным грамотам), но еще и «книжным». Во всяком случае его брат Юрий такого прозвища не удостоился.

«Книжность» Ржевского отнюдь не умеряла его военный пыл, тем более, что, как человек начитанный, вряд ли он не знал «Поучения отца сыну», в котором старший наставлял младшего: «Сыну, аще на рать со князем поидеши, то с храбрыми наперед поиди, да роду своему честь наедеши, и собою добро имя. Что бо того лучши есть, еже пред князем оумрети»¹⁸. Случай отличиться на новой должности «пред князем» и оправдать царское доверие ему скоро представился. Речь идет о третьей по счету, 1552 г., экспедиции Ивана IV против Казани.

Из летописных повестей о «Казанском взятии» следует, что в этой экспедиции приняли участие все шесть стрелецких статей, что к тому времени были на Москве¹⁹. Они выступили из Москвы в разное время. Когда именно убыла «статья» Ржевского, источники умалчивают. Надо полагать, три «статьи», Г. Желобова, Ф. Дурасова и нашего героя, покинули Москву в мае 1552 г. отправившись оттуда в Муром²⁰.

В таком случае из Мурома «статья» Ржевского вместе со своим командиром должна была выступить ориентировочно 14 июля 1552 года. 13 августа стрельцы Ржевского участвовали в торжественной встрече Ивана IV, прибывшего с главными силами в Свияжск. Спустя два дня большая часть русского войска, и люди Ржевского в том числе, переправившись через Волгу

«казанскую сторону», начали готовиться к последнему переходу, к стенам Казани. 23 августа «поиде государь к городу Казани», имея в авангарде ертаульный полк, «а с ним стрелцы и казаки пеши перед полком; также пред всеми полкомы головы стрелетцкие»²¹. Так началась знаменитая последняя осада Казани, в которой новоучрежденным стрельцам Ивана IV пришлось пройти боевое крещение.

Матвей Ржевский со своими людьми принял участие во всех главных событиях казанской осады: возведении непрерывной линии укреплений вокруг города, отражении массированной вылазки казанцев из города вечером 26 августа²², в ожесточенном сражении на Арском поле 30 августа и в походе «на Арьское место и на острог», начавшемся 6 сентября и успешно завершившемся спустя несколько дней²³, в отражении большой вылазки казанцев из города в конце сентября, когда, возможно, Матвей Ржевский получил ранение («на том бою падоша от обоих, и сами воеводы многие уязвлены... также и головы стрелецкие и дети боярские многие ранены»²⁴), не говоря уже о повседневной боевой работе на передовых позициях («в закопех») и участии в последнем штурме²⁵. И, по всем признакам, Матвей Ржевский сумел подтвердить свое «добро имя». После взятия Казани его служебная карьера не сразу, но пошла в гору — храбрость и распорядительность стрелецкого головы, кровь, пролитая в боях с «неверными», не остались незамеченными. Правда, чем занимался он в первые годы после «казанского взятия», мы не знаем — документов об этом не сохранилось; снова на страницах летописей, но уже на новом месте и в новом качестве, Ржевский появляется три с половиной года спустя.

По сообщению летописи, в марте 1556 г. в Москву с Поля пришла весть, что крымский хан Девлет-Гирей I намерен совершить набег на «на царя и великого князя Украину». К этой новости в Москве отнеслись со всей серьезностью. Немедленно «по тем вестем» Иван Грозный приказал отрядить в степь Матвея Ржевского «ис Путимя на Днепр с казаки, а велел ему ити Днепром под улусы крымские и языков добывать, про царя проведати»²⁶. Запись примечательна в двух отношениях. Во-первых, она показывает, что к 1556 г. Ржевский оказался на «крымской украине», где ему довелось провести по меньшей мере полтора десятка лет, а во-вторых, характер записи позволяет предположить, что бывший (теперь уже бывший) стрелецкий голова весной 1556 г. («з благовещеньева дни»?) получил назначение наместником в пограничный Путивль. Это назначение не могло быть ссылкой или опалой — напротив, Путивль был одним из важнейших опорных пунктов Русского государства, его форпостом на южной границе, в обороне государственной «украины» от «литовских» и «крымских» людей, а также местом «размена» русских и крымских посольств. О круге его обязанностей на новом месте службы можно составить представление по грамотам с наказами назначаемым на «годованье» воеводам: здесь и «дела земские и городовое строенье, и всякие городовые и острожные крепости, и тамги, и села, и о банех о устрое, и о всяких земских и ратных делах» — забот у городского воеводы и наместника было более чем достаточно²⁷.

Отправившись по государеву указу «на Днепр», путивльский наместник силой обстоятельств оказался одним из главных действующих лиц в очередном витке русско-крымского противостояния, начавшемся в 1552 году.

«Посылка» бывшего стрелецкого головы в низовья Днепра, на первый взгляд, преследовала ограниченную цель. Перед ним была поставлена задача провести глубокую разведку и выяснить намерения хана на кампанию 1556 года. Примечательно, что это назначение Ржевского не нашло отражения в разрядных записях — ни в официальном Государевом разряде, первая редак-

ция которого была составлена как раз в 1556 г.²⁸, ни в частных разрядных книгах. Но эта малозначащая на первый взгляд экспедиция имела далеко идущие последствия. Судя по всему, в упоении казанской победой Иван Грозный и его советники стали вынашивать планы если не завоевания Крымского «юрта», то по меньшей мере возведения на бахчисарайский престол «своего» хана²⁹. Но сделать это было чрезвычайно трудно. Крым и Москву разделяли сотни верст безлюдной степи, и русским в середине XVI в. не был известен удобный водный путь, подобный Волге, по которому на ближние подступы к Крыму можно было бы перебросить артиллерию, пехоту и все необходимые припасы. А без этого условия всякие планы подчинения крымского «юрта» московской воле оставались несбыточными. «Посылка» Ржевского, как оказалось впоследствии, позволила в значительной степени разрешить эту проблему.

Итак, весной 1556 г., действуя согласно государеву наказу, Ржевский «собрався с казаки да пришел на Псел-реку, суды поделал и пошел по наказу» «проведати» намерения крымского царя. Сплывившись затем по Пселу до Днепра, а далее относительно легко преодолев в половодье знаменитые пороги, Ржевский и его казаки спустились в низовья реки. Отсюда в мае Ржевский донес Ивану: «выбежавшие» из Крыма полоняники показали, что хан вышел на Конские воды со всеми своими людьми и готовится идти на «государеву украину»³⁰.

Эта новость вызвала далеко идущие последствия. Прежде всего доставленные сведения о намерениях хана привели в действие московскую военную машину. На «берегу» (по Оке, где, по традиции, с началом весны встали полки для обороны от набегов татар) пришли в движение царские рати, сам Иван со своим двором, князем Владимиром Андреевичем и казанским «царем» Семионом выступил в Серпухов, где устроил большой смотр всего своего воинства, после которого он и бояре приговорили «ити за реку». С целью наметить походный маршрут и присмотреть места для расположения полков за Оку, на реку Шиворонь, южнее Тулы, был отправлен с отрядом воинов окольничий Н.В. Шереметев³¹.

Пока шли все эти приготовления, с юга поступили новые известия. Оказывается, хан, узнав о том, что его намерения раскрыты, отказался от набега на «государеву украину» и решил, чтобы не возвращаться домой с пустыми руками, сходить за ясырем на Северный Кавказ «и с того сытым быть». Однако не дошел хан и до Азова, как получил сведения о том, что-де «видели многих людей русских на Днепре к Ислам-Кирмену, и царь по тем вестем воротился в Крым». Хан поспешил домой, и, вернувшись 16 апреля, отправил «мурзы дву или трех с малыми людьми языков добывать и про царя и великого князя проводывати»³².

Кто были эти «царя и великого князя люди», появление которых в низовьях Днепра вынудило хана отказаться от своих намерений и поспешно укрыться за укреплениями Перекопа? Ответ на этот вопрос ясен. 22 июня «Дьяк Ржевской в Серпухов прислал к царю и великому князю з Днепра ис-под Ислам Кирмены дву казаков рославца да туленина Якуша Щеголева з грамотою, а в грамоте писал, что ходили на крымские места, а с ними черкасы и казаки, и улусы воевали, и под Ыслам Кирменем и на Белогородцком поле на Очаковском месте были, и посадки пожгли»³³. Оказывается, что Ржевский отнюдь не ограничился сбором сведений и наблюдением за действиями хана. Как видно из его послания, он с ходу перешел к действиям, всячески беспокоя татар и турок.

Причина такой его активности заключалась в том, что, как писал Ржевский царю, по дороге в низовья Днепра к нему присоединились два «черкас-

ских» атамана, Млымский и Михаиле Ескович, с 300 каневскими казаками. Получив такое неожиданное подкрепление, Матвей решил выйти за рамки царской инструкции (что характеризует его как военачальника инициативного, с «глазомером», способного действовать по ситуации). Вместе с присоединившимися к нему «черкасами» Ржевский и его люди двинулись Днепром под Ислам-Кермен, где их уже ждали татары. Не ввязываясь с ними в бой, московиты отогнали у неприятеля коней и прочий скот, а потом пошли на Очаков, «и у Ачакова острог взяли и турок и татар побили и языки поймали». Погнавшийся было за ним очаковский санджак-бей «со многими людьми» попал в устроенную Ржевским и казацкими атаманами засаду. Под Ислам-Керменом Матвея и его людей попытался было перехватить сын и наследник Девлет-Гирея Мухаммед-Гирей. Шесть дней Ржевский со своими людьми бился с татарами «пищальным боем», и у «царевича ис пищалей поранил и побил людей многих», после чего ночью отбил у калги «стада конские» и благополучно сумел оторваться от неприятеля, уйдя вверх по течению Днепра «по Литовьской стороне». Кроме того, Ржевский сообщил, что хан не пошел на Русь, так как узнал о том, что его ждут царские полки, а его собственное воинство ослаблено моровым поветрием³⁴.

Эта и другие полученные новости, подтверждавшие, что хан не намерен покидать Крым, привели к тому, что 25 июня Иван Грозный дал отбой тревоге, «на Поле не пошел», отозвал Шереметева и, оставив на берегу воевод с ратниками «для малых людей приходу», уехал в Зарайск помолиться святому Николе Зарзскому в благодарность за избавление от нашествия иноплемennых.

Для крымского же «царя» беспокойства на этом не окончились. Дьяк Ржевский в сентябре вернулся в Путивль, на обратном пути побив и разогнав несколько мелких татарских отрядов («в станицах человек по сту и по полтора, а с иными двесте, а с иными по пятидесят»³⁵), на свой страх и риск решивших попытать счастья в охоте за ясырем на государевой «украине». Взятые им с бою девять «языков» были присланы в Москву, где показали, что-де «крымской царь был в собраньи, а блюлся приходу царя и великого князя и ныне людей распустил, а сам пошел в Крым»³⁶.

Таким образом, действия Ржевского в низовьях Днепра весной—летом 1556 г., поддержанные украинскими казаками, имели большие последствия. Прежде всего, хан был вынужден отказаться от намерения совершить набег на «государеву украину» и укрылся в Крыму. Кроме того, появление русских служилых людей в низовьях Днепра способствовало тому, что черкасский и каневский староста князь Д.М. Вишневецкий перешел на службу к Ивану Грозному³⁷.

Успешные действия Ржевского способствовали росту политической напряженности в Крыму. Хан в конце 1556 г. отправил в Москву посольство с купцами и отпущенными «на окуп» попавшими в плен в сражении под Судбищами в 1555 г. русскими детьми боярскими. В своей грамоте, переданной Ивану гонцом, Девлет-Гирей писал, что «он всю безлепицу отставил, а царь бы и великий князь с ним помирился крепко, и послов бы промеж собою добрых послати, которые бы могли промеж их любовь зделати, и было бы кому верити»³⁸.

Но и это не все. В январе 1557 г. к ногаям было отправлено большое посольство. В наказе послам говорилось, что Исмаил-бий и его мурзы должны знать: «государя нашего дорога найдена х Крыму Днепром, и та дорога добре добра. Возможно ею государю нашему всякое свое дело над Крымом делати, как хочет», и теперь дело только за взаимной договоренностью о походе против Девлет-Гирея³⁹. Как видно, под впечатлением успехов Ржев-

кого царь решил применить к Крыму «казанский» способ подчинения. Эта догадка получает подтверждение, если принять во внимание возведение в 1557 г. Псельского города на Пеле, примерно в 240 км южнее Путивля. «Новый город на Пеле» упоминается в разрядных книгах под 7066 (1557/1558) годом⁴⁰. Однако очевидно, что он был поставлен раньше, раз в этом году туда были назначены воеводы и к тому же он упомянут в майском 1557 г. послании Сигизмунда II Девлет-Гирею I⁴¹. Скорее всего, это место было примечательно в 1556 г. именно Матвеем Ржевским во время его рейда в низовья Днепра. Обращает на себя внимание тот факт, что появление этого городка (и «замка» на Хортице) сильно беспокоило и хана и великого князя литовского Сигизмунда II. Литовский правитель в своем послании хану указывал, что Псельский и Хортицкий городки не только препятствуют отношениям Литвы и Крыма, но еще и аналогичны тем городам, что ставили Иван III и Василий III на подступах к Казани — намек более чем прозрачный!⁴² И все это стало следствием активных действий Ржевского на Днепре, не побоявшегося взять на себя больше, чем предписывалось ему первоначально.

Где был Матвей Ржевский в 1557 г., мы не знаем. Можно лишь предположить, что, отбыв «годование» путивльским наместником, он осенью 1557 г. был перемещен в Чернигов. Отсюда в начале 1558 г. он отправился на новую службу. Не дожидаясь конца суровой зимы 1557/1558 гг., Иван Грозный 2 января 1558 г. послал в низовья Днепра «на Хартушу» (Хортицу) князя Вишневецкого. Вместе с ним отправилась целая рать во главе с дворовым сыном боярским И. Заболоцким «з жилцы», дворовым же сыном боярским Ш. Кобяковым «з детми з боярскими», «да голов Данила Чюлкова да Матвея Дьяка Иванова сына Ржевского, да Ондreja Щепотева, Василья Тетерина, Михаила Евсково, Михаила Ондреева сына Павлова, Онофрея Лашинского, Петра Талтыкова, Микиту Сушова, Нечая Ртищева» «с казаки» и «с стрельцы» общим числом около пяти тысяч. Перед князем и его людьми была поставлена задача «йти прямо, а во Пеле... суды поделати и з запасы ити на Днепр. И велел государь князю Дмитрею [Вишневецкому] стояти на Днепре и беречи своего дела над крымским царем»⁴³. Очевидно, что эта рать двинулась по пути, проторенному Ржевским в 1556 г., и не случайно он был включен в ее состав — экспедиции был нужен опытный и энергичный человек, знающий местность и имеющий опыт весеннего сплава по Пселу и Днепру.

Отправляя экспедицию Вишневецкого, Ивана IV задумывал нанести удар по Девлет-Гирею с привлечением ногаев и кабардинцев. С этой целью тогда же, в январе 1558 г., из Москвы был отпущен посол кабардинского князя Темрюка Идаровича Канклыч Кануков с посланием, в котором царь предлагал Темрюку, собрав своих людей, идти на помощь Вишневецкому. Бию Исмаилу царь отписывал тогда же, в январе, что собирается «промышляти сею весною» над Девлет-Гиреем и предложил присоединиться к экспедиции Вишневецкого. В марте Иван писал Исмаил-бию, что он «их (то есть Исмаила и его близких. — В.П.) для обид послал на крымсково князя Дмитрея Ивановича Вишневецкого со мною ратью. А велел ему засести на Днепре Ислам Кермень. И из Ислам Кермени велел ему крымскому царю недружбу делати». Исмаилу же, по мнению Ивана, следовало присоединиться к Вишневецкому и горцам и «детей своих и племянников и рать свою на крымсково» послать вместе с Ивановыми ратными людьми и «черкасами» «промышляти заодно»⁴⁴.

Этим планам не суждено было сбыться. Девлет-Гирей, оповещенный Сигизмундом II, что «Вишневецкий с помощью князя великого Московского з немалым войском вытягнул на поле»⁴⁵, поспешил увести своих людей за Перекоп и сам сел в осаду, ожидая набегов русских ратных людей и каза-

ков. Не найдя татар, Вишневецкий из-под Перекопа отошел сперва к Ислам-Кермену, а потом на Хортицу, где встретился с Ржевским. Матвею было поручено чрезвычайно важное и ответственное задание — пока Вишневецкий налегке устремился к Перекопу, он должен был доставить в низовья Днепра караван стругов с провиантом, «зельем» и всеми остальными припасами для княжеской рати.

Ржевский справился с поставленной перед ним задачей. Вишневецкий, «перебрав людишек», отпустил домой с головой Онуфрием Ляшицким тех детей боярских, которые «потомилися» в тяжелом зимнем походе, а Ржевский остался с князем, который во главе «немногих людей, детей боярских да казаков и стрельцов» пошел «летовати в Ыслам-Кирмень», намереваясь оттуда совершать рейды «на Крымского улусы за Перекоп и под Козлец... сколько ему милосердный Бог поможет»⁴⁶.

Получив эти известия вместе с прибывшим в Москву 12 июня Онуфрием Ляшицким, царь отправил в низовья Днепра сына боярского Н.А. Карпова «ко князю Дмитрею Ивановичю... и к головам Игнатию Заболоцкому, Ширяю Кобякову, Диаку Ржевскому, Ондрею Щепотеву с своим жалованием з золотыми». Одоблив, таким образом, действия Вишневецкого и его начальных людей, он приказал Вишневецкому вместе с Заболоцким немедленно ехать в Москву, оставив в низовьях Днепра «в коем месте пригоже» голов Кобякова, Ржевского и Щепотева, «а с ними детей боярских немного да стрельцов», а также Чулкова и Ю. Булгакова с казаками «промышляти» над крымцами⁴⁷.

Судя по всему, действия оставленных в Ислам-Кермене детей боярских, стрельцов и казаков были успешны: Девлет-Гирей и откочевавшие к нему отдельные ногайские улусы все лето и осень отсиживались в Крыму, не пытаясь выйти оттуда и атаковать русские рубежи. Лишь отдельные небольшие татарские отряды на свой страх и риск пытались сходить за ясырем, но без особого успеха. Неудачей закончился и поход на «государеву украину», предпринятый в конце 1558 г. калгой Мухаммед-Гиреем⁴⁸.

В 1559 г. черниговский наместник Матвей Ржевский принял участие в прославленном походе окольничего Д.Ф. Адашева против Крыма. В феврале этого года по санному пути «отпустил царь и великий князь воевод своих на Днепр околничего своего и воеводу Данила Федоровича Адашева да воеводу Игнатия Григорьевича Заболотцкого да Ширяя Васильевича Кобякова, да голов стрелецких с стрельцы да голов з детми боярскими да атаманов с казаки», среди которых был и Ржевский. Перед восьмитысячной ратью, разделенной на три полка, большой, передовой и сторожевой (Ржевский был головой и помощником воеводы передового полка Заболотцкого), была поставлена задача идти «в судех» «государево дело» «беречь на Днепре и промышляти на крымския улусы»⁴⁹.

Новая экспедиция означала продолжение наступления Ивана Грозного на Крым. И хотя, как и в предыдущем году, полностью исполнить свои замыслы ему не удалось, Адашев и его люди, в том числе и Матвей Ржевский, руководивший на этот раз, очевидно, черниговскими детьми боярскими и их послужильцами, выполнили порученное им задание более чем успешно. Как узнали царь и его бояре в июле 1559 г. от прискакавших в столицу с вестьюсеунчом от Адашева князя Ф.И. Хворостинина и сына боярского С. Товарищева, окольничий и его люди, поделав «суды», по изведанному ранее пути сплывались вниз по Днепру и вышли к Очакову. Здесь ратные люди взяли на абордаж турецкое судно «и турок и татар побили, а иных людей поймали с собою в вожи». Заполучив проводников, русские двинулись дальше «и пришли на Чюлю остров на море и тут на протоках другой карабль взяли и тех

всех людей в вожи же с собою поймали». Следующим пунктом назначения стал «Ярлагаш остров» (Джарылгач), на котором были взяты и побиты «многие верблужия стада». Затем люди Адашева высадились на берег в 15 верстах от Перекопа и разделились на несколько отрядов, одним из которых, видимо, командовал Ржевский, «и дал Бог повоевали и поймали многие улусы, — писал летописец, — и многих людей побили и поймали, и которые татарове собрався приходили на них, и тех многих ис пищалей побили». После этого ратники отошли к своим кораблям, погрузили на них захваченные трофеи и отступили морем на «Озибек остров».

Девлет-Гирей, узнав о нападении «неверных» на его улус, поспешил вдогон, но те уже вернулись к Очакову. Здесь Адашев приказал отпустить всех взятых в плен турок, передав с ними очаковским аге и санджакбею, что он, Адашев, послан своим государем воевать с его недругом, крымским «царем», «а с Турским государь наш в дружбе и воевати его не велел». Турки беспрпятственно пропустили русский караван вместе со всем захваченным добром и освобожденными из крымского плена полоняниками. Отбив все попытки татар атаковать их в пути, Адашев прибыл на хорошо знакомый Ржевскому, Заболотскому и Кобыякову Монастырский остров⁵¹.

Адашев добыл и еще одну приятную новость — Девлет-Гирей, раздосадованный непрерывными неудачами, «нагайских мурз в Крыму побил у себя многих, и Исуфовы дети от него побежали и утекли ко отцу»⁵¹.

Вести с юга, если верить летописи, вызвали в Москве подлинное ликование⁵². И в самом деле, случилось небывалое — царское войско напало на коренной улус крымского хана; побили многих крымских людей, взяли богатый полон, освободили немало русских пленников и вернулись, и хан ничем не мог помешать им. Вдобавок хан рассорился с ногайскими мурзами и лишил себя отменной ногайской конницы. Разве это не повод для радости и больших торжеств? Иван щедро награждал победителей, послав к Адашеву со товарищи князя Ф.М. Лобанова-Ростовского «с своим жалованием, з золотыми»⁵³. Флетчер писал, что у русских «тому, кто отличится перед другими или окажет какую-либо особенную услугу, царь посылает золотой с изображением св. Георгия на коне, который носят на рукавах или шапке, и это почитается самой большой почестью, какую только можно получить»⁵⁴. Ржевский, которому тогда было несколько больше 30 лет, дважды получил награжденной царский золотой! Матвей действительно был незаурядным военачальником.

Поход 1559 г., вопреки общепринятому мнению, отнюдь не был последним в крымской эпопее Ржевского. В 1560 г. царь снова отправил его в низовья Днепра. Об этом Иван Грозный писал в грамоте бию Исмаилу. Большой замысел Ивана IV, желавшего ослабить Крым, состоял в том, что он отправляет «по сей весне на Днепр наместника своего черниговского Диака Ржевского со многими людьми да Тягрибердеи мирзу кипчака, которой к нам приехал служить из Крыму. А велели есмь им с Днепра крымскому царю недружбу делати, сколько им Бог поможет». Одновременно князь Вишневецкий с черкасскими князьями, перешедшими на службу к Ивану, были отправлены им в «Черкасы Пятигорские» «делати недружбу» Девлет-Гирею «с Черкасской стороны», а на Дон были посланы стрельцы с тем, чтобы, соединившись с отрядами ногайской конницы, напасть на владения крымского хана. При этом Иван указывал, чтобы Исмаил «однолично безо всякого переводу сево лета над Крымом промышлял безотступно по тому, как есми к тебе свою мысль приказал», пока на дворе «пригожее» время для таких действий, и «чтоб Вишневецкого и Дьяково стоянье не безлеп было»⁵⁵. Примечательно, что позднее Иван писал бию, что предписал Ржевскому, ждаты

Исмаила, если потребуются, даже и до самой зимы, чтобы потом предпринять совместные действия против хана⁵⁶.

Однако ногайских ратных людей Ржевский так и не дождался, а возобновившиеся набеги татар и полное молчание летописей и разрядных книг о том, как действовали в этом году черниговский наместник и его люди, заставляют думать, что его немногочисленный отряд каких-либо успехов на этот раз не добился.

Из разрозненных упоминаний в летописях и дипломатической переписке можно заключить также, что и в 1561 г. русские отряды оставались в низовьях Дона и Днепра, а в апреле 1561 г. Иван сообщал Исмаилу и его мурзам, что он отдал приказ казакам на Дону беспокоить набегами улусы врага бия Гази-мурзы, а в низовья Днепра посланы опять же казаки «Крыма воевати»⁵⁷. Был ли во главе этих казаков Ржевский, неизвестно. Судя по всему, Иван уже основательно охладил к идее продолжения войны с Крымом до победного конца. Внимание Грозного переключилось на запад, а планы покорения Крыма были отставлены.

Матвей Ржевский тем временем оставался в Чернигове⁵⁸. Наместничество в этом пограничном городе было делом хлопотным и беспокойным, от служилого человека, поставленного блюсти здесь государев интерес, требовались решительность, энергия, бдительность и определенный дипломатический талант. Ржевский управлялся в Чернигове еще несколько лет. Во всяком случае, в 7070 (1561/1562) г., с началом новой русско-литовской войны, он оставался в Чернигове «для осадного дела», как писали в грамотах того времени, «быти и жити... в осадных головах и стенной приказ, и наряд городской, и пушки, и пищали, зелья и ядра, и всякий городской наряд, и пушкорей, и писшалников ведать...»⁵⁹.

О том, как служил царю Ржевский в последующие годы, сведений сохранилось немного. Был ли он после 1562 г. наместником в Чернигове или каком другом городе — неясно. Так или иначе, но 14 сентября 1564 г. в Мценск был назначен на «годованье» пребывавший до того в Мценске Ф. Нагой⁶⁰. Есть основания предположить, что в апреле 1563 и в марте следующего года Матвей находился в Москве: 20 апреля 1563 г. и 8 марта 1564 г. датируются данные им поручные записи по князю А.И. Воротынскому и боярину И.В. Шереметеву. Кстати, из этих грамот следует, что к тому времени он был весьма зажиточным служилым человеком: в обоих случаях он ручался 200 рублями — сумма немалая, практически недоступная сыну боярской средней руки⁶¹. Примечателен и еще один факт, косвенно свидетельствующий о месте Ржевского в служилой иерархии того времени: в первом случае из 102 князей и детей боярских, поручившихся за князя Воротынского, его фамилия стоит на 45-м месте, а во втором из 84 — на 38-м⁶².

Осенью 1565 г. царь, по-прежнему доверявший Ржевскому, поручил ему еще одно важное задание. В сентябре Матвей повел «черкасских казаков и стрелцов» «в судех» на помощь царскому тестю князю Темрюку Айдаровичу по его «челобитью» «на черкасских князей, которые им (то есть Темрюку и его Мамстрюку. — В.П.) непослушны, на кавардейских князей на Шопшука (Пшеапшоку Кайтукина. — В.П.) з братиею да на Тазрита да на Маита»⁶³.

Поход на Кавказ дался нелегко. До начала зимнего ледостава Ржевский со своими людьми и горским князем не успел прибыть в Астрахань и был вынужден зазимовать на полдороге. На место назначения судовая рать прибыла только в конце июня 1566 г. (на рождество Иоанна Предтечи), соединившись с посланными «подем» конными детьми боярскими князя И.Д. Дашкова, и пробыла там до середины августа («Оспожина дня»). Выполняя данное им поручение «беречи» князя Темрюка от «недругов

его», Дашков и Ржевский со своими ратными людьми «черкасские места, Шапшуковы кабаки з братьею, многие воевали и полону и животов имали много». Попытки князя Пшеапшоки и его вассалов отомстить успеха не имели. «Многие собрався», «черкасские князи» «на князя Ивана Дашкова и на Матвея Дьяка с товарищи приходили и дело с ними делали» (то есть между горцами и русскими было серьезное сражение), но были отбиты. Как сказано в летописи, «государские люди черкас многих побили, а иных поранили». В конце октября 1566 г. Дашков и Ржевский со своими людьми благополучно вернулись в Москву⁶⁴.

По возвращении из кавказской «государской посылки» Ржевский на четыре года снова исчезает со страниц летописей и разрядных книг. Можно лишь предполагать, что эти годы он провел на «крымской Украине». В 1570 г. Ржевского упоминают в качестве второго воеводы «в большом полку у наряду» в росписи «береговой» рати, выставленной на случай прихода «крымских воинских людей» по Оке⁶⁵. По завершении кампании, поздней осенью, после роспуска «береговой» рати по домам, Ржевский, подобно другим служилым людям, боярам, детям боярским и прочим, должен был вернуться в свою вотчину или поместье, «запас себе пасти на всю зиму и до весны и лошади кормить», готовясь к новому назначению. Поместья (или вотчины?) его находились, судя по всему, в Рязском уезде, недаром же в 7072 и 7073 (1563/1564 и 1564/1565) гг. он выступал в качестве послуха при заключении сделок о продаже вотчин именно в этом уезде⁶⁶. Логично предположить, что по крайней мере часть его земельных владений находилась именно здесь.

Но долго ждать нового назначения ему не приходилось. В начале 1571 г. он принял участие в совещании в Москве под председательством князя М.И. Воротынского по вопросу об охране южной границы Русского государства и в составлении «Боярского приговора о пограничной и сторожевой службе»⁶⁷. После совещания Иван Грозный приказал этих «инспекторов» «послати тех мест на поле, где головам для береженья стояти и сторожам на сторожах быти, досмотрити голов»; среди них был и Ржевский⁶⁸.

По результатам поездки была составлена новая роспись «польских» сторожей, но в ходе нее Ржевский и бывший с ним князь М. Тюфякин узнали от сторожей, что «пошел царь крымской на государевы украины». Прервав свой путь, с этой чрезвычайно важной вестью Ржевский и Тюфякин «поспешили к Украине с государевым делом». Не их вина, что воеводы на берегу не сумели должным образом использовать эти сведения и отразить татарское нападение, закончившееся поражением русского войска на московских окраинах и грандиозным пожаром столицы⁶⁹.

Участвовал ли Ржевский в тех событиях 1571—1572 гг., неизвестно, но, согласно разрядным записям, с «Филипова заговенья» (то есть с 14 ноября) 1573 г. и по 7084 (1576/1577) г. он был наместником в Рязске, снова на южной границе⁷⁰. По устоявшейся к тому времени практике «схода» «украинных» воевод «по вестем» в 1574 г. Ржевский со своими людьми должен был войти в состав передового полка «украинной» рати, а сам рязжский наместник становился третьим воеводой этого полка. В случае же если неприятель намеревался прийти на «государеву Украину» в не малом числе, «украинные» воеводы со своими полками должны были влиться в «береговую» рать, и в таком случае Ржевский и его люди поступали в распоряжение воевод сторожевого полка князей В.Ю. Голицына и Д.М. Хворостинина на Коломне⁷¹.

Рязжская служба закончилась, надо полагать, в 1576 г., поскольку в 7085 (1576/1577) г. Ржевский, дослужившись до «чина» московского дворянина, находился «на Москве в Стрелецком приказе»⁷². Отсюда Матвей отправился в Полоцк, мощную крепость и плацдарм для возможного наступления на

Литву в случае возобновления войны с ней. Этот город и стал его последним назначением. Исполнять обязанности «товарища» воеводы так называемого «Стрелецкого города» князя Д.М. Щербатова он должен был «з благовещенья дни» 7086 (25 марта 1578) года⁷³.

Полоцк, взятый войсками Ивана Грозного в начале 1563 г., был бельмом в глазу короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II и его преемника Стефана Батория. Избранный королем Речи Посполитой и готовясь к возобновлению войны с Иваном Грозным, Баторий в сентябре 1577 г. писал виленскому каштеляну и жмудскому старосте Я. Ходкевичу, что рассматривает Смоленск и Полоцк как возможные цели предстоящего похода⁷⁴.

В канун войны Ржевский и прибыл в Полоцк. Сохранившиеся рисунки и описания Полоцка в 1579 г. позволяют составить представление о том, каким был город накануне осады⁷⁵. Польский историк Р. Гейденштейн отмечал, в частности, что Полоцк состоял из трех частей: сильно укрепленного Верхнего замка (или Большого города русских источников), примыкавшей к нему Стрелецкой крепости (Стрелецкого города, или Нижнего замка) и возведенного за рекой Полотой Заполотья, полоцкого посада. Оценивая город как крепость, он добавлял: «Полоцк — город, сильно укрепленный самой природой, а также и искусством и ввиду своего пограничного положения весьма тщательно снабженный припасами, пушками, порохом и всеми военными снарядами, так как не приходилось сомневаться, что (в случае нашего нападения) ему придется выдержать первое нападение»⁷⁶. Стрелецкий город, ведение над которым было поручено князю Щербатову и Ржевскому, занимал площадь примерно 6 га, был обнесен мощным валом с внутренним дубовым каркасом, поверх которого шел деревянный острог с 8 башнями, и рвом. Внутри города находилась еще одна мощная башня-донжон⁷⁷. Точная численность и состав полоцкого гарнизона неизвестны. Иностранные источники оценивают количество защитников Полоцка в 3-6 тыс., а их вооружение в 38 пушек, 300 гаковниц и почти 600 «долгих» ручниц⁷⁸. К этому можно добавить, что значительную часть полоцкого гарнизона составляли стрельцы и казаки. В 1571 г. помимо детей боярских с послужильцами «полотцкого архиепископа Антонья» и ратников из разных городов (упоминаются дорогобужане, новгородцы, лучане, а из списка плененных детей боярских, взятых в Полоцке, выходит, что многие из них происходили из северо-западных «городов» — Твери, Ржева, Кашина⁷⁹), в Полоцке стояли стрельцы «Дмитреева прибору Уварова» и «Плетенева прибору Чихачова», казаки «Григорьева прибору Бурцева» и, возможно, казаки «Ратаева прибору Голянищева»⁸⁰.

Списочный состав коронного и литовского войска, собранного Баторием в кампанию 1579 г. на главном направлении, составлял более 40 тыс. пехоты и конницы (в круглых цифрах — 28—30 тыс. конных и около 12 тыс. пеших воинов, в том числе около 18 тыс. наемного войска и 24 тыс. магнатских почтов и посполитого рушения). Точная численность артиллерии в полоцкой экспедиции Стефана Батория неизвестна, но в 1578 г. планировалось взять с собой 67 орудий, в том числе 24 тяжелых и 12 мортир, а Г. Котарский писал о 33 орудиях, сопровождавших королевскую армию в Полоцком походе⁸¹. И хотя очевидно, что не все собранные Баторием «воинские люди» смогли принять участие в предстоявшей осаде⁸², тем не менее, явное преимущество в силах было на стороне поляков. Отправленная слишком поздно царем «на пособь» полочанам пятитысячная рать воевод Б.В. Шеина, Ф.В. Шереметева и др. и тяжелая дальнобойная 40-фунтовая пищаль «Свиток» в город не поспели⁸³. В последних числах июля 1579 г. передовые польские отряды уже появились в окрестностях Полоцка. 28 июля поляки взяли Козьян, спустя

три дня — Красный, а 4 августа — Ситно. Фактически Полоцк был окружен и отрезан от своих. Лишь небольшой отряд конных и пеших ратных людей успел незадолго до подхода литовцев и венгров проскользнуть в Полоцк⁸⁴.

Спустя неделю после падения Ситно под Полоцк с главными силами своего войска прибыл сам Баторий. С его прибытием началась настоящая осада, в ходе которой обороняющиеся проявили без преувеличения чудеса мужества. Сам король в своей победной реляции впоследствии признавал, что оборона Полоцка «показала, насколько московиты превосходят все прочие народы мужеством и пылом в защите крепостей»⁸⁵.

Источники ничего не сообщают о распределении обязанностей между воеводами во время обороны Полоцка. Документы полоцкой воеводской канцелярии если и уцелели после штурма, то попали в руки неприятеля и, если и сохранились до наших дней, то до сих пор лежат необнаруженные где-то в польских архивах. Поэтому неизвестно, как действовал в дни осады Матвей Ржевский, но вряд ли пожилой (к тому времени за сорок лет) и опытный воевода пассивно отсиживался за стенами Стрелецкого города. Данцигский ратман Д. Герман, находившийся в лагере Батория, писал позднее, что шанцы и лагерь немецких наемников, находившиеся как раз против Стрелецкого города, сильно страдали от артиллерийского огня и успешных вылазок русских⁸⁶. Кто руководил ими — неизвестно, но можно предположить, что здесь не обошлось без Ржевского. Несомненно, что Ржевский был среди тех, кто дважды отверг предложения, сделанные от имени короля виленским воеводой П. Радзивиллом и самим королем, о сдаче города. Герман писал, что в ответ на требование короля открыть ворота московские воеводы передали ему, что «ключи (от Полоцка. — В.П.) в руках великого князя, и если его королевское величество желает отворить их [ворота], то пусть попробует»⁸⁷.

Отстоять Полоцк не удалось. После ожесточенного двойного штурма Верхнего замка 29—30 августа павшая духом часть полоцкого гарнизона отказалась повиноваться своим начальным людям и договорилась с Баторием о сдаче. Гейденштейн писал, что Киприан и воеводы (Ржевский в том числе), «одни только отговаривали от сдачи и настаивали, что лучше умереть, нежели отдаться живыми в руки неприятелей». При этом польский историк отмечал, что воеводы уже пытались взорвать пороховые запасы в Полоцке, похоронив себя и гарнизон под руинами несдавшейся крепости, но были удержаны от этого самоубийственного шага своими людьми⁸⁸. Не в силах помешать намерениям взбунтовавшихся, воеводы (среди которых был и Ржевский) вместе с архиепископом заперлись в соборе св. Софии, где были схвачены торжествующими неприятельскими солдатами и приведены к королю.

Передавшие под надзор литовского подскарбия Л. Войны, полоцкие воеводы (поименно перечисленные в победной королевской реляции) по прошествии нескольких дней были отправлены для содержания в заключении в Вильно. Позднее в письме московским боярам паны сообщали, что, отпустив, согласно договоренности, рядовых детей боярских, стрельцов и казаков домой (кроме тех, кто изъявил желание поступить на королевскую службу), Баторий «воевод и преложонных над войски, которые в битвах во-енных в руки людем короля его милости достались, тых только самых на окуп пушоно»⁸⁹. Здесь следы Матвея Ржевского теряются — о его дальнейшей судьбе ничего неизвестно. В конце 1579 г. он был еще жив, поскольку Грозному, доставил среди прочих бумаг также список взятых в плен русских воевод и начальных людей. При этом он заявил, что-де король отпустил часть из них, в том числе и Ржевского, к Ивану, но они сами не захотели ехать в Россию⁹⁰. Похоже, что русские воеводы оказались разменной монетой в по-

литических интригах польского короля; тогда понятно, почему среди якобы отпущенных им русских военачальников, отказавшихся вернуться на родину, значатся убитые при штурме крепости Сокол воеводы Б.В. Шеин и М.Ю. Лыков⁹¹, и кто может поручиться, что слова короля были правдой по отношению к другим названным воеводам, в том числе и Матвею Ржевскому. Однако, видимо, как следствие этого известия, в разрядных книгах появилась запись, отразившая эмоции, владевшие царем после известия о падении Полоцка: «Тово же году (7087/1579. — В.П.) июля в день пришел польской и литовской король Стефан Обатур к государеву городу х Полотцку со многими людьми, а с ним пришли литовские люди, и ляхи, и волынцы, угры, кияне, подоляне, немцы прусские, немцы свийские, и курляньские, и римские, и многих земель с королем были люди... И король стоял под Полоцким 4 недели и Полотеск взял изменою, потому что воеводы были в Полоцке глупы и худы; и как голов и сотников побили, и воеводы королю и город здали, а сами били челом королю в службу, з женами, и з детьми, и с людьми, и стрельцами»⁹². Обвинение в измене, благодаря которой Стефан взял Полоцк, Иван повторил и позднее, почти через два года после падения города, когда писал Баторию летом 1581 г.: «Сам пришел еси со многими землями и с нашими израдъцами, с Курбским и з Заболотским и с Тетериным и з ыными нашими израдъцами ратью и нашу отчину город Полоцкой израдою взял еси: наши воеводы и люди против тебя худо билися и город Полоцко тебе израдою отдали»⁹⁴.

Складывается впечатление, что Иван, пытаясь выволить любыми путями из польско-литовского плена своих воевод, полоцких начальных людей не имел в виду среди тех, кто заслуживал скорейшего освобождения. Во всяком случае в переписке Грозного с Баторием упоминаются взятые в плен под Кесью (Венденом) воеводы князя П. Хворостинин, М. Гвоздев и дьяк А. Клобуков (которых царь был готов обменять или выкупить за 1800 руб.), однако, по словам царя, Баторий отписал в ответ, что «под часом военным не пригодится вязней выпускать». В итоге они, как и ряд других воевод (например, Ф. Шереметев, пытавшийся бежать из осажденного неприятелем Сокола, но попавший в руки поляков), вернулись домой, скорее всего, лишь после заключения мира⁹⁵. Много позднее, уже после подписания мира и смерти самого Ивана Грозного, Федор Иванович с укоризной писал королю, что царь отпустил всех «полских и литовских людей, и угорских, и немецких» «даром без окупы и без отъмены», тогда как Баторий «наших пленных людей лучших никого к нам даром не отпустил, а отпустил к нам толко молодых детей боярских и стрельцов, и пашенных мужиков немного, а за лучших полонеников, за прежних и за последних, поймал у насъ великие окупы, денгами взял пятадесят чотыри тисечи рублей, опроч того, которые в розно окуплены на великие ж окупы»⁹⁶. Может быть, среди этих выкупленных «великим окупом» пленных воевод и начальных людей был и Матвей Ржевский, но это лишь предположение. Так или иначе, больше никаких известий о стрелецком голове и воеводе в источниках пока не выявлено. Вернулся ли пожилой и заслуженный воин домой или умер в литовском плену — об этом история умалчивает.

Примечания

1. ФЛЕТЧЕР Дж. О государстве русском. В кн.: Проезжая по Московии. М. 1991, с. 80.
2. ЛЕ БОЭК Я. Римская армия эпохи ранней империи. М. 2001, с. 50.

3. Русский биографический словарь. Т. 16. СПб. 1913, с. 160—161.
4. См., например: БАГАЛЕЙ Д.И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. 1. М. 1887, с. 94—97, 147, 293, 295, 339; СОЛОВЬЕВ С.М. Собрание сочинений. Кн. 3. М. 1989, с. 477—479, 481, 528, 576, 578, 631; из последних работ: ВИНОГРАДОВ А.А. Русско-крымские отношения 50-е — вторая половина 70-х годов XVI века. Т. 1. М. 2004, с. 99—101, 103, 110, 154, 158; ВОЛКОВ В.А. Войны и войска Московского государства. М. 2004, с. 142—145, 202, 344; ГЛАЗЬЕВ В.Н. Опора царской власти: стрельцы и их чальники в XVI в. В кн.: Российская монархия: вопросы истории и теории. Воронеж, 1998, с. 90—93; РОМАНОВ М.Ю. Стрельцы московские. М. 2004, с. 13—14, 19; ЧЕРНОВ С.А. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. М. 1998, с. 150; и др.
5. Основные источники — летописи (напр., Никоновская летопись: Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 13. М. 2000; Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. Там же. Т. 2. М. 2009), разрядные книги (например: МИЛЮКОВ П.Н. Древнейшая разрядная книга (ДРК) официальной редакции (по 1565 г.). М. 1901; Разрядная книга (РК) 1475—1598. М. 1966; Разрядная книга 1550—1636. Т. 1. М. 1975; Разрядная книга 1559—1605. М. 1974; и др.) и актовые материалы (например: Акты Московского государства (АМГ). Т. 1. СПб. 1890; Акты феодального землевладения и хозяйства (АФЗХ). Т. 2. М. 1956; АНХИМЮК Ю.В. Поручные записи 1527—1571 годов. — Русский дипломатарий (РД), 2004, вып. 10.
6. НОВИКОВ Н.И. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. М. 1787, с. 221; и др.
7. СОЛОВЬЕВ С.М. Ук. соч., с. 528.
8. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М. 2000, с. 290 (Новгородская четвертая летопись); Сказания и повести Куликовской битвы. Л. 1982, с. 107.
9. ПСРЛ. Т. 18. М. 2005, с. 193 (Симеоновская летопись).
10. Дворцовые разряды. Т. 2. СПб. 1851, стб. 500.
11. ЗИМИН А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М. 1988, с. 232.
12. АФЗХ. Т. 2, с. 324—325, 329—330, 355—356; Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. (ТКДТ). М.-Л. 1950, с. 177—179, 185, 189, 192, 193.
13. ТКДТ, с. 185.
14. См. там же, с. 17—18.
15. ПСРЛ. Т. 22. М. 2005, с. 532 (Русский хронограф).
16. ДАЛЬ В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М. 1989, с. 278.
17. ЧЕРНОВ А.В. Образование стрелецкого войска. — Исторические записки, 1951, т. 3, с. 285. Кстати, интересный и, как будто, до сего времени никем из отечественных историков не замеченный факт (автор выражает признательность Д.А. Селиверстову, обратившему внимание на это свидетельство): согласно дозорной книге Тверского уезда, датированной 1551—1554 гг., некий Рудачко Некрасов сын Песотцкий «служит царю и великому князю енычменех» (Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М. 2005, с. 197). Второй раз «янычары» Ивана Грозного встречаются в Холмогорской летописи в известии об отходе в набег против Крыма воеводы Д. Адашева со товарищи (ПСРЛ. Т. 33. Л. 1977, с. 13. Холмогорская летопись).
18. РОЗАНОВ С.П. Материалы по истории русских Пчел. В кн.: Общество любителей древней письменности. Памятники древней письменности и искусства. Вып. 154. М. 1904, с. 33.
19. ПСРЛ. Т. 13, с. 206, 208; ПСРЛ. Т. 29, с. 97, 99, 193, 195.
20. Там же. Т. 13, с. 184, 198, 203, 206; РК 1475—1598, с. 136; РК 1475—1605. Т. 1. Ч. 3. М. 1975, с. 423.
21. ПСРЛ. Т. 13, с. 203.
22. Там же, с. 206.
23. Там же, с. 210—211.
24. Там же, с. 212.
25. Там же, с. 206—207, 211—214.
26. Там же, с. 269.
27. См., например, наказ Мисюрю Соловцову, назначенному воеводой в городок Ядрин: Акты служилых землевладельцев (АСЗ). Т. 3. М. 2002, с. 328—329; Наказ боярину князю Ивану Ивановичу Шуйскому (см. БАРАНОВ К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. РД, 2004, вып. 10, с. 144—147; Наказ от боярина и воеводы кн. Дм. Тим. Трубецкого к воеводе Тимофею Федорову (ЮШКОВ А. Акты XIII — XVII вв., представленные Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М. 1898, с. 332—333).
28. См., например: АНХИМЮК Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последние четверть XV — начало XVII в. М. 2005, с. 77.
29. Посольские книги по связям России с Ногайской ордой (1551—1561 гг.). Казань. 2006, с. 166.
30. ПСРЛ. Т. 13, с. 269—270.
31. ДРК, с. 180—182; ПСРЛ. Т. 13, с. 270—271; РК 1475—1605. Т. 1. Ч. 3, с. 513—514.
32. РК 1475—1605. Т. 1. Ч. 3, с. 514; ПСРЛ. Т. 13, с. 271.
33. РК 1475—1605. Т. 1. Ч. 3, с. 513.
34. ПСРЛ. Т. 13, с. 272.
35. ДРК, с. 186.
36. ПСРЛ. Т. 13, с. 275.
37. Там же.
38. Там же. Т. 20. М. 2005, с. 578 (Львовская летопись); т. 29, с. 252.
39. Посольские книги, с. 240.
40. ДРК, с. 191, 197.
41. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского (КПМ-1). Т. 1. М. 1843, с. 135.
42. Там же, с. 135, 139—140, 142.
43. КУРБСКИЙ А.М. История о великом князе Московском. СПб. 1913, стб. 80; РК 1475—1605. Т. 2. Ч. 1, с. 16; ПСРЛ. Т. 13, с. 288; т. 20, с. 588.
44. Посольские книги, с. 261, 265, 267.
45. КПМ-1, с. 142.
46. ПСРЛ. Т. 13, с. 296.
47. Там же, с. 296.
48. ДРК, с. 195—197; РК 1475—1605. Т. 2. Ч. 1, с. 36—38; ПСРЛ. Т. 13, с. 314—315.
49. КУРБСКИЙ А.М. Ук. соч., стб. 80; ПСРЛ. Т. 13, с. 316; ДРК, с. 208; РК 1475—1605. Т. 2. Ч. 1, с. 46—47.
50. ПСРЛ. Т. 29, с. 279—280; т. 13, с. 318—319.
51. Там же. Т. 13, с. 319.
52. Там же.
53. Там же, с. 319.
54. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 85.
55. Посольские книги, с. 300—301, 303.
56. Там же, с. 317.
57. Там же, с. 333—334.
58. КПМ-1, с. 167—168; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 2 (1533—1560). — Сб. Русского исторического общества, 1887, вып. 59, с. 598.
59. АСЗ. Т. 1. М. 1997, с. 74; ДРК, с. 230; РК 1475—1598, с. 195.
60. ДРК, с. 265.
61. АНТОНОВ А.В. Ук. соч., с. 24, 26, 32, 33.
62. Там же, с. 24, 27, 32, 35.
63. ПСРЛ. Т. 13, с. 398.
64. Там же, с. 405; т. 29, с. 352.
65. РК 1475—1598, с. 234.
66. АФЗХ. Т. 2, с. 324—325, 329—330.
67. АМГ. Т. 1, с. 1—5.
68. Там же, с. 2.
69. Там же, с. 13.
70. РК 1475—1598, с. 252—254, 264, 267, 268.
71. Там же, с. 253—254.
72. Боярский список 1577 года. В кн.: СТАНИСЛАВСКИЙ А.Л. Труды по истории Государева двора в России XVI—XVII веков. М. 2004, с. 195.
73. РК 1475—1598, с. 289, 298; РК 1475—1605. Т. 3. Ч. 1. М. 1984, с. 66.
74. НОВОДВОРСКИЙ В.В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб. 1904. Приложения, с. 32.
75. См. ГЕЙДЕНШТЕЙН Р. Записки о Московской войне (1578—1582); ШЛИХТИНГ А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л. 1935; ШТАДЕН Г. О Москве Ивана Грозного. Рязань. 2005, с. 109—110; ТАРАСАУ С.В. Полацк IX—XVII стст. Гистория и тапаграфия. Минск. 2001, с. 44—46, 48—51, 101, 102.
76. ГЕЙДЕНШТЕЙН Р. Ук. соч., с. 101, 109.
77. ТАРАСАУ С.В. Ук. соч., с. 48—51, 102.
78. Кардинал Калигари, папский нунций в Речи Посполитой, сообщал, что Полоцк защищали «3 тыс. доблестных воинов», а в крепости было 60 «больших пушек» (в другом письме — 50 больших орудий и 3 тыс. пеших воинов, включая не аркебузирова, то есть не стрельцов и казаков). См.: I.A. Caligarii Nuntii apost. In Polonia Epistola et acta 1578—1581. In: Monumenta Poloniae Vaticana. T. 4. Cracivae. 1915, S. 271, 274; STRYJKOWSKI M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszyskiej Rusi. T. 2. Warszawa. 1846, S. 429.

79. Список см., например: Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год) (КПМ-2). Т. 2. М. 1843, с. 51.
80. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571—1580 гг. В кн.: Памятники истории Восточной Европы. Т. 3. М.—Варшава. 1998, с. 24, 25, 29, 33; РК 1475—1605. Т. 3. Ч. 1, с. 80; *Sprawy wojenne króla Stefana Batorego. Dyjaryjusze, relacyje, listy i akta z lat 1576—1586*. In: *Acta Historica Res Gestas Poloniae Illustrantia ab Anno 1307 ad Annum 1793*. T. 11. Cracoviae. 1887, S. 174.
81. I.A. Caligarii Nuntii apost. In Polonia Epistola et acta, S. 285—286; KOTARSKI H. *Wojsko polsko-litewskie podczas wojny Inflanckiej*. — *Studia i materialy do historii wojskowości*. XVII. Cz. 1. Warszawa. 1971, S. 78, 103—105; KUPISH D. *Połock 1579*. Warszawa. 2003, S. 86.
82. Численность осаждавших польскими историками оценивается по-разному. К. Горский полагал, что их было около 16 тыс. (но, по мнению Х. Котарского, он включил сюда только польское наемное войско), В. Хуперт оценивал их число в 20 тыс., Д. Купиш — в 35 тыс. добавляя к этому, что в ходе осады в лагерь Батория поступали новые силы (см.: НОВОДВОРСКИЙ В.В. Ук. соч., с. 96; HUPERT W. *Historia wojenna polska w zarysie*. Lwow. 1919, S. 149; KUPISH D. *Op. cit.*, S. 128).
83. РК 1475—1605. Т. 3. Ч. 1, с. 77, 80; О службах и походах боярских. — *Отечественные записки*, 1830, № 126, ч. 4, с. 171; I.A. Caligarii Nuntii apost. In Polonia Epistola et acta, S. 286; SOLIKOWSKI J.D. *Krótki pamiętnik rzeczy polskich od zgonu Zygmunta Augusta*. Petersburg. 1855, S. 51.
84. *Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690*. T. 1. Berlin—Poznan. 1864, S. 318.
85. *Ibid.*, S. 319.
86. *Wiadomości do Dziejów Polskich z Archiwum Provincyi Szląskiej*. Wroclaw. 1860, S. 162.
87. ГЕЙДЕНШТЕЙН Р. Ук. соч., с. 108; *Wiadomości do Dziejów Polskich*, S. 162.
88. ГЕЙДЕНШТЕЙН Р. Ук. соч., с. 120.
89. *Lietuvos Metrika*. Kn. 594 (1585—1600). Vilnius. 2006, p. 101; SOLIKOWSKI J.D. *Op. cit.*, S. 52.
90. КАРАМЗИН Н.М. История государства Российского. Т. 9. Примеч. СПб. 1843, стб. 115.
91. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Н.Н. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год. Ч. 1. М. 1862, с. 158.
92. РК 1475—1605. Т. 3. Ч. 1, с. 79, 81.
93. КПМ-2, с. 144. Примечательно, что сам Баторий так не считал и писал Ивану в августе 1581 г. что осада Полоцка была далеко не простым делом, в частности и потому, что «при пилном усилованью людей твоих, котории на Полоцку были и вере своей противно тебе досыт чинячи, противно кулям, мечу и огню статечне застановлялися» (КПМ-2, с. 182). Обращая на себя внимание и тот факт, что обвинение полоцких воевод в измене отсутствует в «Государевом разряде», составленном в 1598 г., равно как и в его редакции 1585 г. (если таковая существовала, в чем сомневается Ю.В. Анхимюк), но при этом содержится в некоторых частных разрядных книгах (АНХИМЮК Ю.В. Ук. соч., с. 417; РК 1550—1636. Т. 1, с. 298; РК 1559—1605, с. 165, 167; РК 1475—1598, с. 289, 294, 298; Древняя российская вивлиофика. Ч. 14. М. 1790, с. 361). Значит ли это, что после смерти Ивана Грозного обвинение в измене было снято с полоцких воевод, и с Матвея Ржевского в том числе?
94. См., например: БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Н.Н. Ук. соч. Ч. 3. М. 1897, с. 104; КПМ-2, с. 53, 57, 66, 169.
95. КПМ-2, с. 169.
96. *Lietuvos Metrika*. Kn. 594, p. 23.